

Л. А. Ткаченко

СЛОВО О КОЗЫРЕВЕ¹

«В таланте есть умеренность и размеренность. В гениальности — всегда безмерность. Природа гениальности всегда революционна. Талант действует в середине культуры с ее «науками и искусствами». Гениальность действует в концах и началах и не знает граней. Талант есть послушание. Гениальность — дерзновение. В судьбе гениальности есть святость жертвенности, которой нет в судьбе таланта».

Н. Бердяев. «Смысл творчества». — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 395.

Как-то во второй половине 60-х годов я совершенно случайно прочитал в одной из газет очень эмоциональную статью Мариэтты Шагинян об астрономе из Пулковской обсерватории Николае Александровиче Козыреве, об открытии им вулканической деятельности на Луне и о его совершенно сенсационной теории о том, что силы хода времени вырабатывают энергию.

Это «не вмещалось в голову». Но нужно сказать, что я еще до поступления в Художественный институт проучился год (1943–1944) в Горно-металлургическом институте во Владикавказе, любил слушать курс физики и высшей математики и уже знал, что в науке существуют теоретические положения, основанные на логике последовательной цепочки математических расчетов, приводящих к выводу о возможности явлений, которые тоже не могут быть восприняты наглядно, чувственно сознанием человека, опирающимся на опыт повседневной практики текущей жизни. Разве

¹ Публикуется по: *Леонид Ткаченко. Слово о Козыреве. — СПб.: [Б. и], 2001. — 14 с.*

© Л. А. Ткаченко, 2008.

можно себе представить, что ход времени может замедлиться или совсем остановиться при определенных условиях в какой-то части Вселенной? Как можно себе вообразить, что где-то нет «вчера», «сегодня», «завтра»? Но ведь признанная ученым миром теория Эйнштейна допускает это!

Известно, что открытие новых законов ведет к возникновению очередных загадок, противоречащих ранее принятым представлениям. Разве до открытия радиоактивного распада можно было окунуться в бездну проблем микромира, вообразить существование виртуальных частиц, теряющих то массу, то энергию?

Непостижимость для повседневного рассудка теории Козырева не явилась для меня свидетельством ее невозможности.

Разве не высказывается уже десятки лет мнение в научной литературе, что нужна какая-то новая «сумасшедшая» теория, дающая подходы к непонятым явлениям, перед которыми логика, опирающаяся на ранее известные законы, заводит в тупик?

Невероятность, яркость идеи Козырева воспламенила во мне желание написать портрет этого необычного человека, имени которого я прежде не слышал.

Я немедленно позвонил в Пулковскую обсерваторию, представился и после разговора с сотрудником ее (имени которого за давностью времени, к сожалению, не помню) получил очень важные для моего последующего общения с Николаем Александровичем сведения. Мне стало известно, что в период репрессий 1936–1937 годов были арестованы и заключены в тюрьму 12 талантливых сотрудников Пулковской обсерватории, часть которых была расстреляна, часть оказалась обитателями тюрем и исправительно-трудовых лагерей. **Погибли при разных обстоятельствах все. Чудом остался жив только Козырев.**

К этому «чуду» я еще вернусь позже.

Важным для меня было узнать и то, что Козырев не любил говорить о лагерной жизни, и затрагивать эту тему в разговоре с ним не следует. Он был человеком замкнутым, в период пребывания в Крымской обсерватории (где он и обнаружил во время наблюдений Луны проявление вулканической деятельности) любил бродить по окрестным местам один. Были у него очень хорошие отношения с

А. И. Солженицыным, который посвятил ему отдельную главу в своем историческом труде «Архипелаг ГУЛАГ». Узнал я и о том, что в годы пребывания в лагере в уме Козырева сформировалось убеждение о невозможности объяснения энергии Солнца только процессами термоядерных реакций, и это убеждение было им доказано математическими расчетами в его докторской диссертации, которую он защитил после выхода из лагеря. Поиски неизвестного дополнительного источника энергии и привели его к той теории времени, о которой идет речь.

После статьи М. Шагинян и получения вышеприведенной информации в моем воображении — еще до личного знакомства — стал формироваться образ портрета Козырева, в основу которого легло, прежде всего, впечатление, оказанное на меня его теорией: ведь именно ее отвлеченный, «неземной», космический характер делал ее творца явлением ярким, нестандартным, из ряда вон выходящим.

Я начал делать многочисленные эскизы. Картина, по моему представлению, должна была выразить масштабность того полета мысли, который привел Козырева к решению, требующему от ученого большой смелости и независимости суждения. Способность мысли человека оторваться от практики повседневной логики и выйти к бескрайним горизонтам свободного творчества Духа и стала тем содержанием, которое мне хотелось воплотить в своей картине.

Можно даже сказать, что героем картины делалась сама Идея свободы творческого духа человека, а конкретный человек Козырев становился ее носителем, ее знаком. Мне представилось, что эта задача требовала помещения фигуры Козырева в большое невесомое пространство, в котором нет уже тверди земли, пространство, полное неизвестности, светоносное, открытое во все стороны, в котором ничто не мешает свободной работе мысли. «В творческой свободе есть неизъяснимая и таинственная мощь создавать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии...» (Н. Бердяев. «Смысл творчества». С. 369).

Пространство картины становилось «действующим лицом», «участником» события, оно взаимодействовало с фигурой Козырева, от его характера зависел смысл фигуры Козырева!

Могла ли моя задача решаться методом помещения фигуры Козырева в условия кабинета и темного фона? Не превратилось бы событие в камерное, будничное явление?

Необычная идея требовала необычного решения.

Если общий замысел и вытекающая из него композиция картины сформировались еще до встречи с Козыревым, то воплощение их в жизнь оказалось непростым делом, и поиски живописного решения пространства, его взаимодействия с фигурой Козырева вынуждали меня вновь и вновь возвращаться к работе над картиной даже после ее показа на выставках. Впервые она экспонировалась в 1972 году на выставке «Группы 11» на Охте. Здесь ее видел Федор Абрамов и на обсуждении сказал, что она порождает желание активной работы мысли. В это время дата ее создания была помечена 1969 годом. Вторично после дальнейшей работы над ней она была представлена на моей персональной выставке 1983 года в Большом выставочном зале Ленинградского союза художников. В силу этого время работы над картиной правильно нужно считать с 1967 по 1983 годы.

Творческий процесс непредсказуем, и интересно то, что при всех доработках фигура Козырева, его лицо, выражение лица оставались, по существу, неизменными, что, возможно, объясняется тем, что они возникли под впечатлением живого непосредственного общения с этим обаятельным человеком. Об этом мне хочется рассказать дальше.

Для этого необходимо вернуться к началу работы над картиной, к первой встрече с Николаем Александровичем. Нужно признаться, что когда я позвонил Козыреву домой по телефону, который мне дали в Пулковской обсерватории, во мне жили стереотипные представления о сильной личности с твердым взглядом и решительными интонациями голоса. Но живые люди не укладываются в элементарные схемы.

Мы быстро договорились о встрече, и я оказался в небольшой двухкомнатной квартире на Московской площади, где в шестидесятые годы жил Козырев. Было это примерно в 66–67 годах.

Меня встретил человек высокого роста с очень ровной спиной, лишенный какой-либо искусственности и позы, с мягким голосом, очень деликатный, с горькими складками в уголках рта. Как-то так получилось, что Николай Александрович сразу проникся ко мне

доверием. Когда сейчас, 35 лет спустя, я вспоминаю свое ощущение от наших общений на протяжении примерно шестнадцати лет, я испытываю такое чувство, как будто погружаюсь в звучание музыки Моцарта. Чувство светлой радости не покидает меня. Нет ни одного фальшивого звука, ни одного агрессивного, ни одного разрывающего гармонию.

Впервые в полной мере я понял, какое преступление перед Россией и ее культурой совершил большевистский режим, уничтожая представителей российской интеллигенции! Никакое чтение литературы XIX века не может заменить общение с живым носителем великой культуры России, которая проявляется не только в особенностях мировоззрения, но также в манере говорить, интонациях голоса, во всей ментальности поведения, выработанной поколениями.

Козырев сразу же производил впечатление личности большого масштаба, человека большой породы, кристальной чистоты духа, человека, не способного ни на какую подлость. Это было видно мгновенно — без всяких доказательств. Объяснить это нельзя никакими научными формулами, ибо есть сфера общения духа людей друг с другом, лежащая за пределами научных аналитических подходов.

Встреча с этим Высоким Человеком была для меня подарком Судьбы.

Я сразу же начал рисовать Николая Александровича примерно в том повороте, который соответствовал ранее задуманному решению, а также сделал серию фотоснимков, так как знал по опыту, что никто долго не позирует, а моя работа потребует длительного обдумывания и поиска, детали которого сразу трудно предвидеть.

Уже во время первой встречи состоялось мое знакомство и с женой Николая Александровича — Риммой Васильевной, урожденной Чубаровой, и я сразу почувствовал исключительную близость этих людей, нежную любовь друг к другу — без внешних сентиментальных проявлений. Это ощущение не покидало меня и все последующие годы. Совершенно невозможно представить, что в этой семье могли иметь место взаимные оскорбления, брань и похабщина, которые мне знакомы в семьях людей моего поколения, в том числе и людей искусства. **Здесь я увидел возможность совсем другой жизни.** Что это — внутренняя прирожденная куль-

тура этих людей или воспитанная с детства в их семьях? Наверное, то и другое.

Говоря о Козыреве как о человеке, хочется вспомнить также его отношения с сыновьями. Он никогда их не одергивал, не читал им нотаций, никогда не раздражался и не повышал голоса. Стремление во что бы то ни стало внушить им свои взгляды не было ему свойственно. Он обычно мягким спокойным голосом высказывал свое мнение, приводя соответствующие доводы. Казалось, что он считал своим долгом высказать им истину в его понимании, оставляя за ними право думать по-своему. Мои наблюдения говорят, что он пользовался у них огромным авторитетом. Мне кажется, этот стиль взаимоотношений его с сыновьями был проявлением общего для него принципа: высказывать спокойно свое мнение, свое убеждение, аргументировать их, не проявляя агрессивного напора на собеседника.

Я стремился посещать его публичные лекции, в которых он пояснял свою теорию времени. Николай Александрович обладал чистым великолепным русским языком, говорил спокойно своим мягким голосом. **Эта культура речи, его высокая стройная фигура в костюме-тройке с гордой постановкой головы, вся манера держаться оставляли впечатление аристократической изысканной простоты, и вся лекция рождала ощущение некоего эстетического священнодействия, лишенного какой-либо искусственности.**

Мой интерес к теории времени привел к тому, что однажды Козырев пригласил меня в Пулковскую обсерваторию, где в небольшой комнатке он проводил свои опыты при помощи сконструированного им прибора, стрелка которого двигалась, как объяснял Николай Александрович, под воздействием сил хода времени.

Прибор был очень прост, и вокруг не было видно сложной системы изоляции его от воздействия окружающей среды. На мой вопрос Козырев ответил, что для наблюдения за воздействием времени в этом нет необходимости.

Как-то в период, когда семья Козыревых жила еще в маленькой квартире на Московской площади, я был у Николая Александровича в гостях, и во время чаепития непроизвольно возник разговор о существовании Бога.

Я высказал мысль, что доказательства его существования могут убеждать только того, кто уже верит, так как это вопрос веры, а не доказательств.

В ответ Николай Александрович взволнованно воскликнул: «Но у меня было откровение!»

Возможно, это была та самая страшная полярная ночь, когда начальнику лагеря донесли, что лагерник Козырев у ночного костра сказал слова в защиту расстрелянного «врага народа» поэта Николая Гумилева. Начальник, прекрасно понимая невиновность Козырева, очевидно, сочувствуя ему, вызвал его к себе и предложил немедленно уходить ночью в тайгу, так как утром он будет обязан его расстрелять. Это был единственно возможный вариант спасения с одним шансом из тысячи, но все же шансом.

Так приговоренный к смерти Козырев при сорокаградусном морозе на лыжах ушел в ледяное ночное безмолвие таежной чащи неизвестно куда в состоянии крайнего душевного потрясения, по существу, без надежды, когда на тысячи километров кругом был только снег, мороз и холодный блеск ярких звезд на черном небе.

И разве может вызывать удивление, что после слепых блужданий, внезапно наткнувшись на костер геологов, явившийся спасением, потрясенная душа смертника Козырева восприняла это как Богом посланное ему воскрешение к жизни?! Это Бог, это он вывел его к свету из лабиринта черной ледяной тайги!

Нет, сам Козырев это не рассказывал мне. Это я уже знал из слов Риммы Васильевны, а еще ранее из телефонного разговора с сотрудником Пулковской обсерватории до встречи с Козыревым. **Но об «откровении» сказал сам Козырев!** Он никогда ничего не говорил при мне об аресте, годах, проведенных в тюрьмах, днях, проведенных в нижнем белье без носков в ледяном карцере, о лагерной жизни. Я не мог позволить себе задавать ему вопросы на эту тему.

Он не выражал негодование, не говорил слов проклятия. Он молчал. Я могу только предположить, что эти события наложили на его психику столь страшную печать, что его сознание в качестве защитной реакции стремилось вытеснить из памяти, забыть эти страшные дни и годы, чтобы спасти свои нервные клетки от новых страданий, которые в приглушенном виде по-прежнему жили в тайниках его души.

Бог — это надежда и спасение! Римма Васильевна мне говорила, что вера в Бога давала Коле (Николаю Александровичу) и Александру Исаевичу (Солженицыну) удивительное чувство оптимизма, прилив энергии, радость жизни.

Вера в Бога не мешала Козыреву заниматься наукой — так же, как и гениальному Исааку Ньютону, который, понимая бесконечную сложность мироздания, сказал в ответ на вопрос об оценке им своих научных открытий: «Я нашел несколько камешков на берегу Мирового Океана».

В начале семидесятых годов Козырев получил большую академическую квартиру в здании «сталинской» архитектуры на Московском проспекте. О роскоши обстановки не могло быть и речи. Стояли только самые необходимые простые вещи обихода. Было так просторно, что можно было кататься на велосипеде. Николай Александрович со смехом говорил, что отсутствие лишних предметов облегчает протирку пола влажной тряпкой, одетой на швабру, в чем, как видно, он убеждался на своем опыте.

Кроме большого портрета в рост, который я передал в дар Пулковской обсерватории в 2001 году, мной был написан еще в шестидесятых годах маленький, погрудный, лиричный. Оба портрета нравились всем членам семьи, а ребята восклицали: «Папа, какой ты здесь хороший!» Не буду скрывать, что это доставляло мне радость. Этот маленький портрет висел в спальне большой квартиры. В кабинете на стене были помещены фотографии молодого А. Блока и одного из американских космонавтов, участников полета к Луне (если не ошибаюсь — Э. Олдрина), который прислал поздравление в связи с присуждением Козыреву в 1969 году Международной Академией астронавтики именной золотой медали с вкрапленными семью алмазами, изображающими ковш Большой Медведицы, — «За замечательные телескопические и спектральные наблюдения люминесцентных явлений на Луне, показывающие, что Луна все еще остается активной планетой, и стимулирующие развитие люминесцентных исследований в мировом масштабе». Нужно сказать, что только один человек из СССР — Юрий Гагарин, любимец партии, правительства и народа получил заслуженно подобную медаль до Козырева.

Но Козырев не был любимцем партии и правительства, и партия и правительство оказались перед фактом международного призна-



ния научных заслуг Козырева «на высоте» своих идеологически-нравственных понятий и не разрешили великому ученому ехать в Германию для получения там присужденной ему медали. Тем самым Козыреву напомнили, что до самой смерти он для руководства «самой передовой в мире» страны остается, прежде всего, бывшим лагерником, пусть к тому времени официально реабилитированным «за отсутствием состава преступления», но все равно лагерником, «врагом народа» вместе с тою более чем сотней специалистов НИУ и преподавателей вузов Ленинграда, арестованных в 1936–1937 годах по обвинению «в подготовке заговора с целью свержения советской власти и установления фашистской диктатуры» (справка Упр. КГБ по Ленинградской области от 10.03.89 г. № 10/28-456), частично расстрелянных, частично сгнивших в «исправительно-трудовых лагерях».

В известной на весь мир книге задан вопрос: «Что есть Истина?» и дан ответ: «Истина есть Человек!» — конечно, не животное, стоящее в вертикальном положении, а Человек-Дух, Человек-Воля.

Этот великий Дух Человека, живущий в Козыреве, спас его от помешательства во время пребывания в тюремной камере и карцере¹, от животного страха смерти своего тела, сохранил неугасаемую силу творческих порывов к познанию тайн неизведанных миров, не лишил его потребности мыслить, а значит — существовать.

И вновь сверкающее слово Н. Бердяева: «Только свободный познает свободу, только творящий познает творчество, только дух познает духовное, только микрокосм познает макрокосм.

Познавать что-нибудь в мире значит иметь это в себе» («Смысл творчества». С. 378).

Николай Александрович производил на меня впечатление общительного человека с располагающими мягкими манерами и простодушным смехом. По-видимому, у него был свой круг наиболее близких людей. Но интересы его были шире. Он с уважением говорил о Федоре Абрамове, с которым общался, и Абрамов, как мне

¹ Напарник Козырева по двухместной тюремной камере помешался после пребывания в карцере и вскоре умер, после чего Козырев остался в камере тюрьмы один.

известно, высоко ценил Козырева. Встречался он с художником В. Стерлиговым, учеником Малевича, бывшим лагерником казахстанских лагерей, и его женой художницей Т. Глебовой, так же, как и В. Стерлигов, занимающейся авангардным искусством со времен своего ученичества у П. Филонова. Оба были очень верующими людьми. Большой интерес проявлял Николай Александрович к сеансам телекинеза, которые он наблюдал в университете. У меня нет сведений о личных встречах его с А. Солженицыным, но думаю, что они были. Козырев неоднократно говорил о Солженицыне с величайшим уважением, считал его государственным человеком.

Наблюдая Николая Александровича в общении, я не мог не обратить внимания, что во время даже небольших пауз в разговоре на его лице появлялась как бы тень отрешенности, ухода в себя, в свою мысль. Казалось, внутри его сознания шел постоянно какой-то самый главный процесс, на фоне которого внешние проявления его натуры, другие ее стороны, становились несущественными, второстепенными.

Однажды я навестил Козырева в деревне Мерёво под Лугой, где на лето Козыревы снимали часть избы. Днем ходили в лес за грибами, купались, гуляли по живописным окрестностям, а с наступлением темноты — в ясную погоду, — как рассказала мне Римма Васильевна, Николай Александрович один уходил из дома наблюдать небо.

Туда, в бескрайние просторы мироздания, в безднах которого мерцают мириады звезд, уносилась его мысль, его душа, ибо там было их главное пристанище, туда влекли тайны Вселенной, тайны жизни и ее смысла. Там, в бесконечности пространства и времени его Дух общался с Богом.